

Анри Коломон

Альбертик, Виттили, Педро и Метроне в Республике Четырёх

Из романа «Франсуа и
Мальвази»

Анри Коломон

**Альбертик, Виттили, Педро
и Метроне в Республике Четырёх.
Из романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

Альбертик, Виттили, Педро и Метроне в Республике Четырёх. Из романа «Франсуа и Мальвази» / А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834076-5

Образованием этой шальной компании явился недобрый замысел сеньора Бофаро, решившего освободиться от всяких лишних людей, понабившихся во дворец и которых бы лучше было вышвырнуть. Сначала компания поведена была за собой Виттили, называемом ещё придурком жизни, и правильно, подтвердившимся по известным ему сосаловкам. Когда же те... так называемые обсосали их, то их повело уже всех вместе во все тяжкие, и кто только и что только их не водило по глубинкам острова и всяким закуткам.

ISBN 978-5-44-834076-5

© Коломон А.

© Издательские решения

Содержание

(Из романа «Франсуа и Мальвази»)	6
Дама Сердца	7
Глава XXXV. Альбертик Тарифа	7
Глава XXXVII. В которой у Альборана случается громкий припадок тихого помешательства	16
Республика Четырёх	17
Глава XXXVIII. Партия	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Альбертик, Виттили, Педро
и Метроне в Республике Четырёх
Из романа «Франсуа и Мальвази»
Анри Коломон**

© Анри Коломон, 2016

ISBN 978-5-4483-4076-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(Из романа «Франсуа и Мальвази»)

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское наследство в начале 18-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев

Как жили мы борясь
И смерти не боясь
Так впредь отныне жить:
– Тебе и мне!

В бессмертной вышине
И в знойной низине
В живой волне
И в яростном огне!

И в яростном – огне!

Дама Сердца

Глава XXXV. Альбертик Тарифа

Родился графский сыночек Альберто де Тарифа семнадцать лет тому назад в Испании... Эстремадуре. Но три года тому назад или более, был отправлен недовольным своим чадом отцом, бывшим к тому же очень занятым по военной службе, к тетке Диане на ее виллу в Эриче под Трапани.

Крайне напряженное положение, которое сложилось вокруг Испании вскоре оправдалось войной, внутри ее самой, надолго затянувшейся, и поэтому и в будущем у знатного отпрыска не намечалось никаких существенных перемен, чего не было и за предыдущие года. Единственное, и пожалуй самое главное изменение произошло с ним самим самым естественным образом: с неостановимым течением времени; и как не хотела тетка Диана видеть своего воспитанника все тем же мальчиком, оно неумолимо сделало из него молодого парубка, как будто несколько не добавив в нем ума, или хоть сколько-нибудь взрослости. Раздавшись несколько более в ширь, чем в рост, он оставался все тем же чудаковатым и бедовым малым, за что и получил в округе свое имя Альбертик – лишь несколько отличное уменьшительное от настоящего, но в своей измененности играющее свою роль.

Его тетка, при которой Альбертик жил – Диана, не смотря на все неприятности, которые он ей доставлял, любила своего родственничка, и души в нем не чаяла, находя в нем черты своей вздорной натуры, отчего баловень судьбы только и сделавший в жизни что хорошо родиться, смотрел на белый свет неунывающими бесстрашными в своей балованности глазами и рос чересчур разбалованным, пестуемый чересчур тетушкиным умом.

Видя в своем воспитаннике такой большой изъян, как балованность, связанная лишь с особенностью его несерьезной натуры, охотно наняла ему в учителя представившегося в один удобный момент испанского бакалавра Ласаро. Неизвестно поумнел ли от этого Альбертик, но известно достоверно, что его подглуповатое имечко за ним осталось.

Это бы не так и заботило старую Диану, если б он постоянно оставался таким же и жил с ней. Однако ж ребенок вырос и с ним выросли проблемы: последняя из них, свалившаяся как град на голову – сватанье с княжной Мальвази. Много она в этом деле на него не ставила, зная что он из себя представляет, но отнеслась к лестному для себя предложению с большим рвением: Альбертик загодя и задолго стал готовиться к поездке.

Прежде всего учителем Ласаро были достаны книги с серенадами и выбраны для разучивания наиболее подходящие по мнению Дианы. К исполнению их под аккомпанемент, уговоренный все же Альбертик только приступал, а ему уже был выбран подходящий конь и пошит справный костюм, как и полагается в аристократической традиции перед чем-нибудь значительным.

Зная что ни ему одному предстояло сражаться за руку прекраснейшей выданницы, тетка Диана прибегла к нехитрому трюку, отправила Альбертика за день до назначенного срока, заблаговременно оповестив об этом дворцового библиотекаря Педро Квадратуру, к которому, но ни в коем случае не на продолжавшееся празднество, это в напутствиях в дорогу и всяческих наставлениях было строжайше указано, следовало Альбертику прямиком обратиться, сразу же по приезду во дворец Сан-Вито.

Итак, этим вечером, по научению тетки, Альбертик пошел вместе с Педро, прихватившим с собой гитару, петь серенады к балкону княжны Мальвази. Но по пути из тихого затемненного коридора, ведущего от библиотеки между собой, они порешили сначала все же

заглянуть на кухню. Первым ощутил голод конечно же Альбертик, но Педро не стал тянуть к скорому, давая сначала освоиться в новом месте, восполнив тем самым голод души.

Альбертик боялся предстоящего. Начисто все поперезабывал, того чему учила тетка и решил как можно на более темное время оттянуть самое страшное. Они с Педро долго паслись по кастрюлям и прочим столовым приборам, содержащим различные яства, прямо с праздничного стола, перебиваясь от сладкого на пахучее, пока музыкант видя к чему идет дело не погнал жениха к месту.

Они вышли в левую оранжерею, если смотреть со стороны фасада, и вместо того чтобы зайти за угол, как следовало бы, они вышли на белую дорогу и пошли по ней, свернув затем влево, по плиточному настилу, ведущему в «поля». Так называлась та часть придворцовой парковой территории, огражденной в краях, что была скрыта за густой оградой высоких деревьев от центрального ареала пред фасадом, и лежала напротив правой стороны, с некоторым понижением и виделась ровной и газонной с некоторым преобладанием лесной незатронутой дичи, затеняющей ее по краям.

Территория, по которой шли сейчас Педро с инструментом и Альбертик, благоухала сильным запахом стерни, и может быть потому и называлась полями за то, что газоны постоянно приходилось подкашивать. Педро повел его именно этим окружным путем, чтобы дать подопечному набраться больше духу.

Смеркалось, воздух наполнился стрекотанием цикад. По краям так же тянулись ровные подстриженные ряды кустов. Идти им до стороны дворца оставалось недолго, но предстояло еще идти вдоль нее в дальний край, где скрытый за деревьями находился балкон и окна покоев княжны.

Немного не доходя под них, остановив Альбертика у этого прохода акаций, Педро стал натаскивать его к предстоящему.

– Ну что, дружище, ты не робей. Установку знаешь?...Ну и все, чего там. Раньше ее видел?... Нет. Тем более нечего бояться. Что перво-наперво нужно сделать?

– Спеть песню, потом когда она выйдет на балкон...

– Какой ты самонадеянный!

– А-а! значит сначала нужно нарвать цветы.

– Цветы уже приготовлены и букетиками лежат на клумбе. Тебе первое-наперво нужно плюнуть на все и сказать себе: вас женщин у меня было... как бы это так сказать до чего у тебя их было?... Только невздумай в самом деле сказать! А-то засмеют. А это для тебя самое последнее дело. – тяжело посмеиваясь из мясистой широкой груди пошутил сеньор Педро подхрипыватым голосом с одышкой-придыханьем, но повеселел от нее только сам один.

Граф Альбертик вообще скис, ему предстояло петь, в то время как кому-то было сильно смешно, и смешок действовал на него уничтожающе. Когда Педро немного просмеялся и почувствовал что делает не то, посерьезнел и поправив на себе гитару предложил идти.

– Погоди же ты!

– Скоро вечер пройдет, она вызовет гвардейцев за то что ты не даешь ей спать. По первому ж ее недовольному слову я, не знаю как ты, смываюсь. На сегодня вообще никаких концертов не положено. Все что я делаю все ради тебя и твоей незабвенной тетушки. Давай, долго еще ждать?!

По прошествии около десятка минут, они все же пошли, да и то лишь потому что подталкиваемый вспомнил, что прежде ему предстоит закидывать балкон цветами. А это хоть как-то, но оживило Альбертика и первое время двигало им. Чтобы совсем заставить жениха обрести свойственный данной обстановке дух, Педро выходя вместе с ним на более-менее свободное место под балконом стал тихо тренькать на струнах гитары, сильнее он сказал не будет, потому что еще много осталось неразъехавшихся гостей.

Альбертик стал набирать в руки аккуратные пучки цветов – букетиков и зашвыривать, другое слово отличное слову закидывать тому не подобралось бы. Делал он это естественно неумело, как и вообще все то, за что принимался. Педро оценил закидывание пахабным и захи-хикал, дополняя пиликанье гитары.

В зашторенных окнах покоев горел свет, но наружу доносился он слабо, так что, что там внутри понять было невозможно; но перенесемся же именно туда, где за шелком и синим атласом штор, при свете подсвечника у туалетного столика с наставленными на нем баночками и скляночками парфюмерии пред зеркалом сидели Мальвази и ее фрейлина, и давняя подружка Клементина, державшая в руках портрет, на который не могла наглядеться. Нарисовано там было лицо полного молодого человека, несомненно рукой искусного изобразителя. Масляные краски и наружно хорошо выдавали всю пухлость его нарумяненных щек и смешное приветливое лицо.

– Как хорошо тебе, Мальвази, что ты можешь взять его себе в мужья.

Та, бросив смотреться в зеркало повернулась, смеривая надменным и в то же время насмешливым взглядом и не дожидаясь когда Клементина оторвется от портрета снова принялась глядеться в зеркало, выпячивая вперед карминные губки в рабочем просмотре.

– Хорошо говорить когда просто любишься. Можно глаз не сводить.

...Ему еще семнадцать.

– Но и тебе еще два дня тому назад было столько же! И разница в каких-то пол-года не столь существенна, – сама не желая того произнесла Клементина.

– Ты-то откуда можешь знать о разнице? – отрываясь от кисточки с помадой проговорила Мальвази, с той самой игривой тональностью.

В ответ у Клементины не нашлось что сказать и она со вздохом отвернулась на портрет, который в таком случае был поставлен на столик, обопёртый на ножку. Мальвази продолжала не сводить с нее своего проницательного взгляда.

– Может ты влюбилась в него? – спросила уже ласковей и тише.

– Брось ты, разве может бедная девушка серьезно думать о знатном испанце?

– Альбертике-то?

– О нем мне как-то однажды рассказал сеньор Педро. И еще я видела его на вилле в Эриче.

После этого нечаянного откровения Клементина окончательно смутилась и покраснела.

– Э-э, подружка! Признайся честно ты в него влюбилась!

Разоблаченная в своих потаенных чувствах и вынужденная открываться Клементина прежде поддержала ее смех, затем застеснялась, отвернувшись на портрет Альбертика.

– Представь себе!...Он так хорош нарисованным, что он просто не может не понравиться, болванчик такой, – договорила с приливом «злой» нежности вырвавшимся через неразжавшиеся зубки.

Мальвази умильно посмотрела на свою хорошенькую белокурую служанку, которая всегда ей нравилась, но сейчас вдвойне, не только потому что своим премилым видом и выражением лица особенно, в самый раз подходила к созревавшей не так давно интриге рассчитанной на то, чтобы получить наипрекраснейшую отговорку и на мужскую отходчивость дяди по всем мелким жизненным проблемам.

– Не сомневайся, кисть хоть даже самого наиталантливейшего живописца не может в полной мере передать красоту лица.

– Правда! Вот если бы и мне его увидеть хоть одним глазком! Ты потом дашь мне посмотреть на него из-за штор?

– Даже в оба глаза и с балкона. Ты можешь с ним разговаривать вот как я с тобой, ты не понимаешь?!

– Нет, я так боюсь и это не то.

– Ты не понимаешь! Тебе не придется выходить под обозрение всех Клементиной.
– Хорошо тебе! – перебила она ее в восхищенной зависти, – Ты можешь выходить. Выбирать.

– Это тебе хорошо! Ты влюбилась и все, а мне навязывают...

– А-ах, Мальвази, милая ты так же несчастна, еще более несчастна чем я!

– Да, потому что ты не стеснена самим положением и тебе я могу помочь. Только слушай меня внимательно, я для тебя приготовила сюрприз, а ты пропустила все что я сказала мимо ушей. И не бойся. Ты как огня боишься маркиза, но разве можно бояться и сомневаться сейчас, когда он стоит под балконом?!

– Он там! Альбертик! – метнулась Клементина со стула в растерянности останавливаясь и глядя на Мальвази ослепевшими от возбуждения глазами, искрящимися радостью. – Значит это он бросал букетики о стекло и пиликал на гитаре?

– Ну на гитаре играет скорее всего Педро.

– Я выйду на балкон, будь что будет!

– Постой же! Ты совсем не хочешь меня выслушать.

– Хочу! – с настырным притоптыванием возразила Клементина.

– Я подумала, мы с тобой должны поменяться ролями. Ты как я выйдешь на балкон в моем платке и охмуришь своего Альбертика – со смешливостью проговорила княжна, сама в свою очередь вставая, – Пошли переодеваться я тебя заплету.

Клементина в сдержанном порыве благодарности обняла Мальвази и поцеловала в щеку.

Вместе они обе прошли из зала, глядящей окнами и полустеклянной балконной дверью вовне, в небольшую костюмерную комнатку, обитую изнутри коричневатым драпом, потому как стены ее являлись ни чем иным, как деревянными щитами из лакированного черного дерева, подогнанными друг к другу и составлявшими указанную комнатку в большой. Располагалась она в апартаментах княжны в следствии вышеобозначенной особенности непроизвольно, и не была «привязана» по расположению к стене соседней комнаты и чего-либо еще. Комнатка располагалась в какой-то степени обособленно и прикрывала собой свободный проход из зала к спальне.

Туда и прошли две девушки, для переодевания, последняя из них Клементина, закрывая дверь украдкой взглянула на балконную дверь со стеклом. Останемся же пока пред прикрытыми дверьми, за которыми совершался обряд переодевания, а проникнем туда лишь когда взметнувшиеся подола снова опустились вниз и Мальвази на скорую руку причесывала сидящую на мягком резном стуле Клементину, перед зеркалом трельяжа. Холм на ее голове был наспех накручен и при взгляде в зеркало смотрелся очень даже хорошо. Прическу дополнила бриллиантовая брошка в золотых жилах, снятая Мальвази со своей прически.

– У тебя волосы светлые, обязательно покройся, вот хотя бы даже этой накидкой.

Говоря это она шагнув к трельяжу в одном разе схватила с него шерстяную шаль и посмотрелась в зеркало, пригнув на себядвигающуюся панель с узкой зеркальной полосой, чтобы от отображения на нем увидеть свою утонченную элегантную головку взглядом со стороны. Без снятого украшения она не пострадала. Можно было долго не задерживаться, но несколько привычных прихорашивающих движений ручкой и вот уже Мальвази сама не заметила как застряла, проторчав у зеркала до тех пор пока Клементина сзади не вырвала у нее из руки легкую шерстяную шаль, за которой она устремилась прежде спеша. И только тогда Мальвази оторвалась, в спешке выпорхнув из комнатки вслед за Клементиной, стараясь догнать и перестрять.

– Подожди же ты! Я сейчас оставляю тебя одну... На всю ночь!...Смотри это твоя единственная свободная ночь. Так что дерзай, милая, я пошла.

– Но подожди, а как же?

– Что как же?

– Там еще Педро с ним?

– Глупенькая, я все уже Педро подговорила. Понимать надо! Ты совсем уже голову потеряла, того и гляди прыгнешь ему в руки с балкона.

– Не прыгну! – огрызнулась напыщенно сбившись на смешок.

По-видимому она еще что-то хотела добавить, как головы обеих девушек невольно повернулись к окну. Произошло нечто неожиданное – Альбертик запел.

– О-о-о! – глухо протянула собравшаяся уходить, которую непроизвольно повлекло к выходу: единственной двери из всего замкнутого комплекса, который заканчивался следовавшей за залой маленькой передней, оформленной под обыкновенный французский будуар. Из него та самая дверь вела прямо в два длинных коридора, расходящихся под прямым углом и называющихся так же одним словом галерея. Галерея скульптур, застекленных ниш со стоящими при мечях и щитах пустых рыцарских доспехах, рядами картин, изящных мраморно-бронзовых столиков, узких и вытянутых вверх для показа еще более изящных вещей, гобеленов на стенах и длинной буровато-красной ковровой дорожкой уходящей по полу в самые разные стороны. В описании внутренностей галереи никоим образом нельзя упускать из виду то, что на ночь она оставалась освещенной тем невзрачным спокойным ночным светом, который всегда благостно воспринимается по выходу их темноты... и еще нельзя бы было не упомянуть для объяснений дальнейшего поведения вышедшей, что рядом с дверьми стоял непроницаемый железный рыцарь в доспехах цвета сажи. Мальвази выходя быстро закрыла дверь на ключ с наружной стороны и резко повернувшись к горе ратного железа спиной, скорее удалялась от него в удобном малиновом платье фрейлины, в котором шаги были легки, словно то были не шаги, а порхание агнеца Божьего в прелестном девичьем образе, живо и радостно спешащего дарить добро.

...Однако совсем оставленный без внимания и даже почувствовавший себя обделенным нежной теплотой этого ангела железный истукан повернул в сторону удаляющейся фигурки голову-шлем. Забрало поднялось, показав внутри человеческую голову средних лет, с выражением веселого недовольства в глазах.

– Сверистелка! – проговорил стражник себе под нос, так как простаивая на часах долгое ночное время занимал обыкновение говорить сам с собой, но первое высказывание о Клементине продолжилось думой о ней же. С каких это пор она перестала обращать на меня внимание? И глубоко вздохнул.

Теперь же чтобы вернуть нашему повествованию дополнительную упорядоченность и охватить все стороны завязывающихся событий, которым в одном месте предстоит очень сильно разгореться, а в другом..., а вот что в другом, нам предстоит узнать, перенесаясь из галереи, в которой ничего не было слышно, из апартаментов, где арии сольного Альбертика с прерывающимся аккомпаниментом находили в душе бедной девушки смятение и полный переполох; и даже из под балкона; перенесемся так же чуть назад по времени, когда исполнитель сего не решался расточать наружу свое песенное дарование, но когда шестерка коней с шестью ездоками весьма благополучно добралась до зарослей паркового леса, стоящего за решетчатой дворцовой оградой, огибавшей «поля» самого угла Сан-Вито и аж за старинные развалины.

Спешившись первым, Франсуа д'Обюссон торопясь предоставил друзьям искать место поудобнее и укромнее без него, или лучше не искать пока ничего, а дожидаться его здесь, когда он вернется с разведки. Фернандо на всякий случай был послан с ним, но у ограды оставлен схоронившимся в кустах, а сам Франсуа преодолев преграду стал пробираться дальше, теперь уже в окультуренных зарослях и к тому моменту, от которого мы сделали небольшое отступление назад, на голос осторожно подобрался к самому месту, раздвигая руками ветви кустистых акаций, взглянул на...

То что он там увидел представилось и ему, не только, даже Педро, очень презабавным. Пухленький Альбертик отчего-то с выпяченным задом самоотверженно пел песню, задрав

голову кверху, ничего не видя и не слыша, вокруг кроме себя и своих вскриков, которые сбивали всю музыку, наводимую музыкантом, колотимым и колыаемым внутренним, еле сдерживаемым смехом, в какие-то мгновения с треском прорывавшимся наружу через супротивно сжавшееся нутро, с последними остатками держащихся трезвых сил.

Франсуа д'Обюссон взглянул еще на темные окна несомненно ее покоев и подумав проговорил самому себе вслух:

– Э! Тут мне ее не найти, раз уж женишок внизу успеха не имеет.

И задвинув ветви скрывавшей его зелени обратно, шевалье заспешил назад; он и так потерял много времени. А позади, как только смолкли последние горланные звуки песни, сразу же затянулась вторая, с возросшим мастерством поднаторевшего исполнителя, уже более похожая на серенаду; и Педро удавалось ловчее подавать созвучные аккорды. Но смех все так же продолжал пронимать и разбирать волю к добротному завершению хотя бы своей роли. Его же участие пока, впоследствии можно было свести Альбертиком к тому, что он только мешал и расхолаживал дерзновения, что потом ему могло дорого обойтись по службе и со всех сторон. Это несколько насторожило библиотекаря и придало силы успокоиться хоть на некоторое время и все больше постараться подыгрывать в тон напеванию. Стоя подальше от глаз под балконом, Педро больше ничего другого и не оставалось делать, как стараться толстоватыми и тугими пальцами по струнам.

Меж тем Альбертик покончил и со второй по счету и порядку серенадой. В короткий промежуток глубоко глотнул побольше воздуха, вспоминая на ходу, что там должно было идти по программе третьим. И чуть он только затянул с нарастающим успехом третье, вызвав злобный рык неуспешного с аккомпаниментом Педро, как на балкон вышла... о, это мог видеть только Альбертик, как раз собиравшийся туда закинуть последний букетик цветов... невыдержавшая Клементина, но не Клементина, и даже без разницы что княжна, но дама и девушка! ...А этого-то он в своей жизни боялся пуще всего. Не помня себя и даже не понимая что делается, голова Альбертика продолжала петь, а рука занесенная для размаха назад, все же проделала бросок, соответствовавший душевному состоянию... Описав дугу букетик упал прямым в Педро, вздрогнувшего от полной неожиданности, но почувствовавший сразу, что не просто ему досталось, что что-то случилось? Догадавшись что в него не со злости запустили букетиком, а с радости, сначала он не мог поверить в сложившуюся ситуацию, но только почувствовать по срывающемуся голосу Альбертика, что и на эдакие-то брачные трели призывного периода могли ответить не подсылем разъяренной дуэньи, обрушившей бы снизу ушаты брани, после чего Альбертика хватило бы на ответные плевки и расхолодило бы до неузнаваемости... Но как раз наоборот, брачующийся просиял и засветился, как будто в ответном выражении переполнявших его чувств, от которых вначале голова чуть кругом не пошла. Женишок даже издал придурочный вскрик, невольно потягиваясь рукой вверх, но не дотягиваясь. Значит и пальчики с балкона послали на глазах преображавшемуся Альбертику трепещущий знак.

Сия догадка вовсе удивила сбитого с толку Педро, однако же с самого начала понимавшего что за всем этим кроется что-то неладное, и имевшего на то несколько догадок, а значит ни одной. В любом случае ему следовало унять свое любопытство, оставаясь под балконом и ни в коем случае не показываясь оттуда, а то чего доброго неладное в самом деле еще выльется ушатом настоящей грязи. Ему оставалось смотреть что будет дальше и наблюдая за многочисленными ужимками Альбертика, и всей несуразностью его поведения пытаться не испортить сценки колотившем его уже, весь вечер смехом.

– Давай комплименты, – подсказал Педро наитишайшим шопотком, чуть не взрываясь после этого приступом хохота.

Опомнившийся Альбертик выпалил молчаливо стоявшей наверху Клементине несколько старомодных испанских комплиментов с доннами и прочей пасторалью, а затем

тем же теткинским манером наинужайше попросил разрешения соблаговолить впустить его на балкон.

Педро прогнуло в корчах, слишком неестественно отскакивали от зубов зазубренные тирады, что рассмешили и донну. Клементина отвесила вниз последнюю улыбку и с молчаливой снисходительностью соблаговолила. Глаза ее повели очаровательно Альбертика к себе и знаком и взглядом; и тот не зная что делать, теряясь от восторга забегал-засуетился, не зная что делать с полученным дозволением и как побыстрее им воспользоваться? Сеньор Педро, который не подумал о возможности этой части трали-вали, был немного обескуражен и отрезвлен, тогда как именно сейчас на расторопного Альбертика, во всем своем петушином облачении по-молодецки полезшего по выступам и расщелинам камней, и можно было смеяться больше всего, тем более что до выступов подбалконного барельефа он недокорабкался, вместо этого, как и следовало ожидать от этой глупейшей затеи, сорвался вниз.

Странно, что Альбертик имел успех, там где ему казалось ничего не светило, но догадка с припоминанием о том, о чём говорилось как обухом по голове осенила Педро, свалившегося в истошном хохоте, сначала назад и потом вообще навзничь, теперь уже не удерживаясь и издавая выхлопные звуки, выливающиеся в звонкий залиvistый смех.

Наоборот, поднявшийся с ног Альбертик, волоча по земле за собой съехавшую с пояса шпагу, проходя возле валявшегося хохотуна, пнул его как собаку.

С лестницей разобрались быстро, Альбертик побежал... Поставили ее стоймя на ноги и отпустили на опору к балконным перилам. Клементине едва ли удалось отскочить от них, как рога лестницы с гвалтом ударились в том месте. Альбертик, невзирая на высоту которую, он боялся не меньше чем женского полу, полез ввысь. Природа брала в нем свое и отдавала одной из своих служительниц Клементине. Та же просто не могла не радоваться ползущему к ней дару и все ее женское обаяние готово было и устремлялось навстречу смешному и желанному толстячку, и вся нежность и щедроты души хорошенькой девушки готовы были выразиться во встречном поцелуе и излиться благодной теплотой ее сердца, как уже долезший провалился ногой, и уста которые должны были сомкнуться, удалились вместе с подавшейся назад большой головой Альбертика.

Выбравшись, тот вместо того чтобы присмотреться к потянувшейся поцеловать его девушке, спугивая ее томность представился:

– Я граф Альберто Тарифа!

И хватко уцепившись за перилу обеими руками с дрожью от непрошедшего испуга перебрался-перевалился на балконный пол, выростая перед ней во весь свой короткий рост, едва ли превышающий ее, остановился в нерешительности, ожидая теперь уже что-нибудь от нее. Но чисто внутренне, не внешне, смущенная Клементина ничего не отвечала, отмеривая волнующие внимание взгляды.

– О! Я в первый раз вас увидел и полюбил. На всю жизнь! – как ни фальшиво прозвучал дифирамб Альбертика, но он все же нарушил неловкое молчание для Клементины, немного смутившейся высказанных заранее чувств и рассмешившейся от высокопарных речей, каковые они в сущности из себя и представляли, давая лишь почувствовать теткинское торопление. /внизу уже ползали на корачках/... Однако Альбертик действительно влюблялся самым что ни на есть естественным образом в хорошенькое девичье создание, с хрупким обворожительным личиком, мягким подбородочком, губками носиком, крупными глазками и приоткрытым на бок ушком с большой плашковой серьгой, очень премило выглядывающей из-под свешивающихся расплетенных кос... которые можно было подёргать и что ещё нужно более? И вообще ее платье, в котором она выглядела мило, восхитительно-очаровательно покоряли молодца и от удовольствия он вздохнул невыдержанно звучно.

Клементина не нашла ничего другого, как привести Альбертика в себя, как подать ему руку для поцелуя, на что тот всей душой откликнулся исцеловав, но по большей части измазав ее руку в своих, прижимая ее к щеке.

Клементина оживилась, она нашла ту струнку, которой следовало играть, чтобы водить Альбертиком, и взяв его за руку повела с балкона.

На сем для Альбертика учения тетки кончались, дальше ему предстояло действовать по собственному разумению и может быть даже целоваться!? Подумав об этом он испугался и по привычке к частенько рукоприкладствовавшей тетке, стал даже упираться в присущей ему манере заправского вредины с одинаковой непробиваемостью сносящего как ругань так и саму трепку. Но здесь на него только взглянули и ему показалось совестным противиться ей. Тем более что его подвели к столику с фруктами. Уселся за него он уже сам, это он любил. Благодарные с каким он раскинул свои пухлые руки над угощением, привели Клементину в бурный восторг. С порывом новых сил и энергии она уселась возле него на стул и приняла собственноручно кормить его черешней, поднося не по одной а сразу по несколько черешенок на черенках в свиной Альбертиков рот, привыкший к прожорству, и к тому же как он всегда делал дома, то также сплевывал на пол непотребные косточки. Ему про то, как быть с этим ничего не говорили и он поступал по своему разумению в известных ему обыкновениях. Привыкший жрать горстями, ему не хватало и тех нескольких ягодок, что потешаясь совала ему девица, вместе с ее рукой в раскрытую широкую пасть подносила черешню и его рука, соприкасаясь... Язык привыкший к оскоминам мог чувствовать лишь значительное количество, его неумная потребность могла насытиться только так. И вскоре в вазе к великому и крайне эмоциональному удивлению Клементины от черешни и след простыл. А добродушный несуразный вид большого ребенка, показывал собою, что он бы не прочь был еще что-нибудь отхватить повкуснее.

Пока она ему выбирала, Альбертик с головой окунулся в привычную дурость: выбрал и подал ей желтый плод лимона, подарок отнюдь не являлся медвежьим: на столике стоял чудесный заварной напиток с востока, который очень хорошо пился с соком лимона. Он был еще теплый горячий, нагретый от тепла каминного огонька, единственно который и освещал внутренность залы, тем призрачно огненным светом, что мерцающе окрашивал и придавал подпадавшим на него наружностям особый ночной колорит.

Этим же напитком она хотела напоить того же Альбертика и потому принялась стараться впить свои коготочки в твердую кожицу желтого плода. Альбертик видя что с его подарком мучаются решил помочь, он с живостью стал вытягивать собственную шпагу из ножен! ...Никогда бы не подумал что они там так туго сидят. Первый раз в жизни ему доверили шпагу и он нашёл ей применение успешно! И длины руки не хватило, чтобы освободить весь клинок до конца, пришлось прибегать к помощи второй руки и вытягивать ножны. Клементина, которая было успела испугаться необузданного порыва молодца, со вскриком выронила лимон на пол, но за то время, что он мучился, успела так же двадцать раз понять чего он хочет? И в первый же представившийся момент, лимон лежал перед Альбертиком на блюдечке и был порублен им на две части, расколов при этом и само блюдечко на мелкие фарфоровые кусочки, которых бояться было нечего. Клементина протянула свою легкую белую ручку за половинкой предварительно вознаградив удалство молодца обворожительной улыбкой. Она выжимала Альбертику лимонный сок, а Альбертик желая ее еще чем-нибудь удивить схватил вторую дольку и отправил в рот.

– Ой! Что ты делаешь! С кожурой! – передернуло Клементину, невыдержавшую самого представления.

Но Альбертик выдерживал не кривясь, жвалы его казалось с одинаковым постоянством привыкли поглощать все и толстая кожа перемалывалась со скрежетом, подобно тому как под ножом мясорубки туго и вязко идут мерзлые жилистые куски мяса.

Но слишком большой оказалась долька даже по его рту, или очень уж не хотелось ему продолжать прожевывать вставшую колом кожуру. Рот оказался основательно забитым и движение челюстей все более вязло и замедлялось. Наконец, прожевав остановился и заглох. Вместо этого глаза Альбертика тоже остановились и выгнулись, наливаясь кровью. Он все еще крепился и силился держать тон, восхищая этим Клементину до звонкого насмешничества и сострадания.

– Выплюнь! – опомнилась она, поднося к его рту вытянутую ладонь, но куда там! Горло Альбертика обильно залившегося соком лимона схватило в такой спазме и так при этом скриворотило физиономию, что никакая рука, а только пол мог сдерживать все то, что сбивая руку Клементины в спазменном наклоне выплевывал и выхаркивал страдалец любви. Выше его жалели и приголубливали глядя и теребя светло-шатеновые вихры. Дали скорее запить.

Выдув все и как видно отойдя, Альбертик единозвучно просмеялся, издав из гортани долгий прыскающий смешок и охотно потянулся как ни в чем не бывало за персиком, но не рукой, а ртом, откусывать. Так ему был скормлен весь персик. Перешел на виноград.

– Кидай, я их буду ловить! – воскликнул он от удовольствия, отсаживаясь на своем стуле в противоположный край столика.

– Лови! – кинула она, стараясь как можно точнее. Взметнувшись в броске надрессировавшийся Альбертик ловко ухватил ягоду ртом на лету и счавкал..

Клементина стала поочередно отрывать виноградины от кисти и кидать на ловлю Альбертику, особенно потешалась над неудачами. И через пару минут разыгрались уже так, что стула Альбертику показалось мало, к тому же он с него слетел, принявшись после ловить стоя. И здесь он допрыгался до того, что подпрыгнув за очередной виноградиной пролетевшей выше, опустился уже потеряв равновесие и упав на спину, больно ударившись так же и дурной головой об каменный пол, не покрытый даже ковром. Клементина бросилась к нему гладить и прижимать зашибленную головушку.

– Это ты нарочно, – плакался Альбертик, вдруг сильно ее ущипнув, и пока она вскрикивала, вырвался из рук дальше, устремаясь от нее бегом.

– Ах, скотина! – бросилась за ним Клементина с нежной злостью стараясь догнать и отомстить негоднику.

Но юбки! Как много это дало Альбертику преимуществ, и как ловко ему удавалось уворачиваться от нее бегая вокруг столика и довертуозничался до того, что наскочил своей неповоротливой фигурой сначала на стул. А через него и на столик. Который он свернул и упал на него вверх. Ему дали легкую затрещину.

Продолжая лежать возле присевшей возле него Клементины ничком, Альбертик настороженно поглядев на колени девушки отчетливо вырисовывающиеся на гладко-глянцевой материи платья проговорил голосом потише:

– Во, покажи мне свои сиськи?

– Ты что, Альбертик, это же нехорошо! – возразила она с серьезностью, которую особенно выдают надувшиеся губки, косо заводя половину лица за край спущенных волос.

– Ну тогда давай в колесо играть! – оживился Альбертик привставая с полу, – Я его с собой прихватил! Знаешь интересно! Нужно стараться не пропустить! Мы с теткой все время в него играли!

Но вернемся же к другой паре действующих лиц, оставленных нами в угоду первой, занявшейся сейчас по настоянию Альбертика перекаткой колеса, представлявшего собой ни что иное, как цельную шайбу, друг к другу.

Глава XXXVII. В которой у Альборана случается громкий припадок тихого помешательства

Альбертик, к которому относились благосклонно, уверенный в успехе, потемну приставлял лестницу к балкону и уже залез на две перекладины, когда нагрянувший д'Обюссон, незаметно подскочив сзади, вlepил звонкую затрещину по уху и свернул лестницу разворотом ноги, так что сам Альбертик оказался на задней неперспективной стороне, на которой для него и удержаться было трудно, не смотря на все старания его неуклюжей руки с дрожной цепкостью проявленные для удержания при оказии.

– А утром кто к ним лазит бесстыдник! – наставительно прозудел д'Обюссон, пнув убирающуюся ногу, оставшуюся при падении за перекладиной.

Альбертик горестно заскулил, но не от того что ему было больно за ногу, а от того что он узнал в обидчике своего злейшего врага, несмотря на темень раннего утра. От злости и бессилия, которые исказили лицо Альбертика нервной гримасой, поднявшись он накинулся, но не на д'Обюссона а на перекладину лестницы грудью, толкая ее добавочно и руками, и для большей скорости и чтобы уж наверняка прибить её падением, вставая ещё и на нижнюю перекладину всем весом. Но гнев и особенно первый порыв его, всегда плохой советчик: стоило д'Обюссону увернуться из под падающей лестницы, как та же лестница, встав на которую для пущего нажима Альбертик успел потерять равновесие, падая и стучаясь о клумбу подкинула на высоте ноги его самого, так что сам он упал и вовсе с осложнениями. Прежде всего на руку: раздался истошный вопль.

Обе девушки и Клементина и Мальвази выбежали на балкон, напуганные произошедшим. Альбертик с болью в лице сидел на гравии, прижимая к себе руку и покачиваясь, испускал жалобные стоны. Упав он сломал руку, поставив д'Обюссона в неловкое положение оправдываться: – «Он сам»... – хотя он и сделал-то всего плохого что увернулся, и сейчас боясь поднять голову взглянуть в лицо Мальвази, предпочитая вместо ее укоризненной гримаски смотреть удивленными глазами на происшествие, всем своим видом показывал свою непричастность.

Из кустов к Альбертику выбежало двое или трое человек, но из сопровождающих дружков, среди которых достаточно знакомо узнавался флейтист Педро:

– Пойдем Альбертик.

Агрессивных намерений у них никаких не обнаружилось и троица без лишних осложнений спокойно увела горемычного Альбертика с хныканьем держащегося за руку.

Республика Четырёх

Глава XXXVIII. Партия

Пробуждение Монсеньора происходило постепенно, медленно, словно бы сознание просыпалось частями, сначала зрение, потом ощущение самого себя и памятью: кто он есть среди не спящих и бодрствующих в его охранении и что под боком у него сопит служительница тела. Вот и сейчас, почувствовав, она незаметно встала и молча ушла.

Утро у него всегда бывало на раскачку сил. Мыслей, решений и побуждений; да и как приятно понежиться под одеялом на чистом и гладком, сменить положение тела на более удобное, изведать желательную прохладу незатронутых мест. Лежа высоко на подушках он обретал как раз то самое удобоопорное положение, при котором ощущалась легкость в голове и взгляд его скользил поверх белоснежного пододеяльника с камчатым ромбом посреди, купаясь в белесом свете облачного утра, обещающего продлиться свежим прохладным деньком. Можно бы съездить на конюшни посмотреть на ожеребившихся кобыл и на то, что они произвели. Подбор обещал дать совершенное потомство. Если так, то можно бы было даже выпасть кобыл с жеребятами на «полях» и полюбоваться на них без езды на конюшни, которые как не чисть, все едино смердят и воняют даже в отдалённых загонах.

Белесый свет из окна напомнил ему что духоты не будет и поездка должна быть весьма привлекательной, даже с теми же запахами конского навоза. Впрочем вопрос о поездке решится с приходом Бофаро, этого аббата Сюлли, всех его начинаний.

Прийти он должен после девяти, когда уйдут слуги, совершающие его утренний туалет, который неминуемо его ждал в назначенный и твердоустановленный им же час. Зная как это трудно отрываться от постели и вставать самому, дабы не испытывать излишних затруднений с волей в девять ровно двери прихожей открывались и на него набрасывались мастера из группы утреннего туалета. Тянулись продолжительные многочисленные эмоции, завершавшиеся истинно по-королевски. Он вызывал слушать своих сановников. Но то всегда бывало только под конец или по завершению самых неприятных действий, тянувшихся по всем правилам и распорядку монаршего этикета. Процедуры не из приятных и особенно для него, не привычного к сему по прежней жизни и свойствам своей натуры. Но те же самые свойства позволяли ему получить с оживленного утреннего церемониала заряд ощущений приличествующих человеку наделившему себя столь самостоятельной властью и правом, и после обряда одеваний выталкиваемого в свет совершенно преобразившимся и тем прежним сильным и непоколебимым монсеньором Спорада, которым его знал этот свет.

Впрочем, исходя из силы своего могущества, он мог отменить на сегодня совершение утреннего туалета; но тем-то и слаб человек, остается слаб в отношении своего могущества, что повеление окажется направленным ни сколько не против мастеровитой гвардии, но против самого же его, единожды повелевшего так, а не иначе и посему вынужденного исполнять естественный распорядок, каким бы нудным он ни казался. Можно было его избежать, сыграв с самим собой в прятки, посвятив себя Богу. В самом деле, пока время до утренней мессы еще оставалось / взглянул для большей достоверности на часы / , можно было хоть на один день оставить и без того зачищенное забреенное лицо, а выхоленные руки в покое, самому же отправиться на поклонение к алтарю. Бог примет его с однодневной щетинкой и кожей с остатками предночного умщения ее мазями и мягкой розовой помадой, наносимой на лицо.

Решению пойти в часовенку, куда быть может пришла его кузена могло бы способствовать и то, что он долгое время не посещал месс, но это как раз более всего и способствовало тому обратному решению, отчего он отвык, что повлияло на настрой, а он ветер мыслей

и решающих в конечном счете все. Сегодня не был тот день недели, не было епископа, на мессу к которому было просто грех не прийти и это бы потребовало объяснений. Одаривать в его лице святую церковь было обязательным обязательством.

При воспоминании о том, как охотливо этот пузатый индюк даже в своей сутане правит свой скаредный бал, стабильно наведываясь к нему каждую неделю один раз как минимум за очередным даром, у маркиза вышла неожиданно громкая усмешка. Как однако же приятно было попадать под ритуальную власть жадного святоши, власть которого над ним к тому же только чисто ритуальная распространялась не далее чем в нескольких шагах от алтаря; чуть далее достойный прелат вел себя так как и подобает каждому священнику.

Подумав о том, что епископ Трапанский неизменно сопровождаемый коадьютором должны скоро приехать, перевел свои мысли в кабинет, где его дожидается и дожидаясь работает сеньор Бофаро, который-то конечно же уже должен был знать о приплоде... Внезапно эта мысль, похожая на страсть, разбудила в нем желание к бурной кипучей деятельности, которой наполнить и чем спасти оставшееся время.

Рука Монсеньора сама потянулась к шнурку с помпончиком на конце и несколько раз подергала, издавая мелодичный звон... что означало: к подъему. Звон еще стоял в сводах высокого потолка, как приоткрытая дверь в переднюю растворилась на одну половину и держась за нее перед ним прытко предстал темпераментный малый, с густой завивающейся локонами шевелюрой, еще не расчесанным после пробуждения на своем мягком посту на диванчике, на котором он проводил все ночное время, на что его никто не обязывал, но заставляло лишь только то, чтобы иметь преимущество перед остальными быть первым и первым поймать на себе благодный после сна взгляд Монсеньора, который встречал его всегда приветливо, каким бы хмурым и тяжелым он не был до..., имея обыкновение проясняться на всем что радовало и нравилось.

– Здравствуй, мальчик мой! Касба, малыш, сбегай узнай сеньор Бофаро уже пришел?

– Сеньор мажордом как всегда на своем месте, дожидается вас в кабинете. Я уже слышал оттуда звуки проявляемой кипучей деятельности.

– Очень хорошо, справься у сеньора Бофаро о жеребятках?...

– Сейчас!

– Да! И еще принеси мне корзину щенят...

– Сейчас!

– ...И не впускай сюда этого проклятого массажиста, он меня мучает. – чуть ли не в стеноющем тоне проговорил Спорада, слыша и видя через раствор двери что по неширокой прихожей уже идут служители утреннего туалета.

Касба резко обернулся на них; послышался короткий лягг быстровынутой из ножен шпаги. Монсеньор снова обратил внимание в сторону прихожей. Касба угрожая кончиком клинка пошел на массажиста, заставляя отступить, затем послышался грохот упавшего человека со всевозможным деланным на то многозвучием и артистически раскинувшимися по дорожке руками...

А в случае если и в самом деле придется защищать, скольких врагов он сможет покласть на своем посту, добавит ли собой этот бравый юнец действенной силы к караульным заслонам, встающим на пути внезапного нападения? Он метко стреляет... на показах. К тому же ему скорее всего надлежит сопровождать его вместе со свитой по спуску в казнахранилище за толстенные стены, литые из твердешшего цемента.

Эти и другие мысли посетившие вдруг голову Монсеньора навеяли так же теплое представление огромного куба, полого внутри, подпиравшего фундамент и облегаемого отростками самого фундамента дополнительно.

Меж тем входили остальные служители, пропущенные Касбой, внося вперед всего небольшую ванну, полную горячей воды с шапкой пены и прочих снадобей намешанных в воду,

от чего она приобрела красноватый оттенок. Ванная была поставлена перед самой постелью. На случай если маркиз изволит в ней искупаться, но он такого желания не выразил.

Вместе с ванной были разложены по местам другие предметы туалета, и двое служащих принялись сначала отгибать край одеяла, потом разоблачать самого поднявшегося из лежащего положения от ночного халата и всячески помогать омовению, то подавая мыло, то отодвигая пену и выливая из графина теплой чистой воды на руки, дабы придать ощущение окончательной свежести.

Подали большое мохнатое полотенце, помогая вытирать все части груди. В следующую очередь подошел брадобрей со столиком самых различных инструментов своей практики. Нанеся на шею щеточкой пену, намешанную в стаканчике, двумя ловкими и быстрыми движениями снес налет на опасное лезвие, затем выжидая время когда маркиз омоет лицо вторично и тщательно вытерется.

Теперь в его руках были маленькие ножнички и зеркало, кое он предоставил маркизу, а сам некоторое время почиркал подравнивая бородку так же гребенкой.

Спорада взглянул на то как она смотрится издали, отводя руку подальше... Нет не получилась бородка на его лице, слишком козлиная она ему показалась. Края.

Его омраченный взгляд заставил брадобрея побледнеть и скорее убраться со всем своим скарбом. Ванную пододвинул поближе, чтобы в нее без затруднений можно было опустить ноги, а на тело надела нижнюю рубашку.

Касба вышел с известием когда куафер аккуратно убирал волосы маркиза в прическу, достойно справляясь со своим делом:

– Монсеньор! Тройка.

– Что значит тройка, когда ожидалась двойка. Выходит двое из них близ... ну да близнецы? Плохо, будут слабыми и блеклыми. Пойди вырази сеньору Бофаро мое неудовлетворение и строго накажи, ему от меня чтобы он более не в свои дела не лез.

Сказанное произвело на присутствующих сильное впечатление и они рассмеялись самым неподдельным смехом, каковой им положен был придворным этикетом отвечать на остроты. Больше и громче всех смеялся конечно Касба, заражая смехом и самого маркиза Спорыда, если бы не одно обстоятельство, заставившее его невольно выразить иные эмоции – недовольства по поводу боли причиненной резким прохождением зубьев гребенки чрез сбившийся клочок волос.

Куафер упал под его взглядом на колени.

– Простите...

– Касба, малыш, слетай к сеньору Бофаро еще разок, разузнай все получше. А то ты носишься, как сломя голову. А толком не выполнил ни одного моего задания. Отсюда я вижу в прихожей массажиста, который только и дожидается чтобы сюда войти.

Дверь из побочной спальни отворилась. Из нее вышла и прошла служанка с корзиной щенков в руке. Поставив ее на постель, она так же молча и бесшумно удалилась, за что необыкновенно нравилась маркизу, провожаемая несводимым взглядом.

Издали послышались резкие останавливающие крики Бофаро, вырываясь от которых через прихожую вбежал смеющийся Касба:

– Сеньор Бофаро сказал «три отела».

Теперь уже Монсеньор хохотал больше и громче всех:

– Видимо сеньор Бофаро корчил тогда из себя такого знатока, что никто ему и слова против не смел сказать. Интересно бы знать по чему именно он выбирал коня, что даже не заметил на нем рога!

Касба хохотал тише всех, потому что свалившись с ног, он уже не мог хохотать и выполз за порог прихожей на коленках. Слышались шаги идущего сфатисфактизировать сеньора Бофаро, неправильно понятого:

– Этот негодник намеренно меня спросил сколько произошло отелов. И когда я ответил ему сколько и хотел уже было поправить, он побежал выставять меня так, как будто это я сказал! – пышал нарочитым негодованием полный старик от телесной своей грузности очень естественно добавляя одышку, отчего получился даже задыхающимся от возведенной на него напраслины.

– Я хотел вас проверить!

– Ах, Бофаро, – Бофаро – хитрец! Я подозреваю, что вы не прочь были и подыграть ему. Чтобы получить предлог и самому рассказать о том, что вы знаете. Давайте скорее не тяните, я чувствую у вас для меня припасены новости из самых лучших. Порадуйте же меня поскорей. – говорил монсеньор Спорада, вынимая ноги из ванны и отдавая их в широкое полотенце вытирателю ног, и смотрителю за ногтями и кожей ноги. Ванну унесли.

– Мне есть чем вас порадовать, Монсеньор, вы угадали: одна в яблоках, разукрашена словно кистью художника, а два других жеребенка белы как бумажные листы, и только на одном из них обнаружена темная точка, а в остальном они абсолютно как побеленные...

– С точкой отдайте полковнику! Дю Валло любит черных. Хотя нет! Что я говорю?! Ему ж еще расти и расти...

Ненадолго воцарилась молчаливая тишина. Служитель ног перешел от прочищения ногтей к умощению наиболее подозрительных частей кожи размягчающими мазями. Чувствуя как приятно его ногу облегают надеваемые чулки, из легкой тонкой материи, но дающие заметные ощущения сухости и охлаждения, еще учащенной поласкал щенка спаниеля в руках.

Бофаро стоял в дверях в выжидательной позе, готовый отвечать на любые вопросы задумавшегося Монсеньора.

– Да, сеньор Бофаро, вы давно мне обещали рассказать о партии камней отправляемых в Вену, да все никак не удосуживались...

Он заметно сбавил обороты своего настойчиво вопросительного тона к концу предложения, почувствовав что о таких вещах говорить он выбрал неподходящее время и место. Вовремя и к месту с приличествующей тону обстановкой могло быть только в кабинетном уединении, после облачения в верхние одежды, без которых он сейчас находился, в незамечаемом выжидании, когда куафер кончит колдовать с его прической... Поэтому охотно согласился на предложение мажордома для большей ясности пройти с ним в кабинет ознакомиться с бумагами.

Чтобы исправить возникшую заминку в самом себе маркиз вспомнил о теме, которая в самый раз подходила к тому чтобы говорить о ней при множестве слышащих ушей. Хотя возле него слуг осталось к данному моменту только двое, остальные из них покончив со своими обязанностями дожидались в галерее и не могли пропустить мимо ушей ничего из сказанного.

– А что у нас слышно на любовном фронте? Подыскали вы кузене муженька? Случник вы старый, как ваш замысел, дотлел?

– Как вы наверное хорошо знаете – разгорелся с новой силой сеньор Бофаро. – Альбертик ни в какую не хочет от нее отказываться, и ничего слышать не желает о возвращении.

– Как, так и отказывается?!

– Ни в какую! Залег у донна Мастера в лечебной комнате, руку залечивает. И она к нему ходит. Конечно от такой жизни нельзя отказаться.

– Но может быть вы сильно дунули, сеньор Бофаро, огонек то был особый, – любовный, как иногда бывает от легкого дувка, язычок пламени затухает, а от сильного еще и разгорается. Не получилось ли у вас так?

Вы попробуйте спокойно увещеваниями его подвести к мысли о неловкости его дальнейшего пребывания в гостях. Намеками.

– Какие намеки, вы что, ему напрямую в глаза говоришь!... Что называется хоть ссы в глаза – все божья роса. Простите меня Христа раде. Парит руку под одеялом, заставляет Мастера делать примочки. Всех остальных считает за дураков, я не знаю!

– О, Господи! – возвестил Монсеньор саркастически, вставая на ноги и предоставляя свою персону в полное распоряжение облачателей, – Как же хорошо дуракам на этом свете живется-то. Ну подумайте хорошенько, сеньор сводник. Могли бы вы применяя все ваши махинаторские способности умудриться остаться на его правах? Нет же, на вас приходится только метастазы вашей неплохой в общем то идеи заставить девицу знать свое место. Приходиться вам только пособолезновать, что в сей сортир вы набрали половину – дураков, которые развалили весь тупик на смех любой деревенской курице, за что я на вас очень сильно пеняю. Так опозориться с Альбораном. Над нами смеется весь Палермо! Мне стыдно туда показаться. Не знаю как поразится свет узнав о вашем Альбертике. Да-да, это ваш Альбертик и улаживать с ним дела предстоит вам.

...И как можно скорее, – уже совсем серьезно добавил маркиз, несколько омрачаясь, – Потому что если об этом узнает его тетушка и два сапога не будут в паре, она поднимет такой скандал. Мы с ними как в испанских сапогах¹ застрянем!... От этого уж я вас попрошу меня избавьте. С кухаркинским романом нужно кончать и немедленно, сейчас же! Смотрите и учитесь как это делается. Вы не с того края начали. Нужно приструнить сначала Клементину и уж посредством ее нажать на Альбертика.

Лучше всего будет поручить заняться этим Руччини. Девушки ужас как боятся военных, а значит уважают... Позовите ко мне капитана! – крикнул монсеньор маркиз обращаясь к Касбе ли, и так что бы хорошо было слышно в галерее, в следствие чего его фавориту не пришлось далеко ходить, лишь до дальних дверей прихожей. Заглянув за которые он убедился, что за капитаном гвардейцев уже послали и нет надобности идти самому.

Руччини пришел как всегда быстро, может быть создавая такое впечатление тем, что по вызову он ходил длинным интенсивным шагом, коим в два счета обмерил прихожую и оказался на виду у Монсеньора. Склонившись в низком почтительном поклоне, с элегантностью и грациозностью, которые не могли быть наработаны, а только исходили от внешнего вида человека, его ярковыраженное мужское обаяние и обходительность не могли считаться эталоном, они были слишком особенными.

Руччини чинно поднял голову показывая лицо, на котором особенно выделялись изящные черные усы.

– Приветствую вас, Монсеньор. У вас, я полагаю, ожидается занятой день, что вы меня вызвали как только встали?

– Во истину так! Как ты говоришь, дел у меня на сегодня по горло и все больше потому что сеньор Бофаро не хочет с ними справляться. Но на тебя я надеюсь как на самого себя. И думаю ты мне славно поможешь в одном нагoreвшем деле.

– Обязательно. Только если это конечно будет в моих возможностях.

– Будет, без сомнения. Будет!...

– Однако лучше вас предупредить и предложить не думать обо мне столь обобщенно. За все время моей беззаветной службы вам, вы может не замечали, я лично: выполнял все ваши приказания – блестяще, в том случае когда они касались именно меня и зависели от меня не косвенным образом. А такое бывало десятки раз только потому что приказания эти приходились к моим способностям. Но на что у меня нет способностей, на то я не способен вообще.

– Не прибедайтесь, друг мой, – выказывая к нему свое расположение двояко, когда как до этого одним «ты», ибо оное при обращении высших мира сего как раз то и обозначает, что

¹ *Орудие пытки, ноги загоняются меж досок, которые сжимаются под давлением вбиваемых клиньев, сдавливая ноги с силой, дробящей кости.

это знак особого внимания, а так же когда они снисходят до уравнивания в отношении. У Монсеньора, чей прилив был вызван тем, что ему очень нравилось и даже очень льстило когда его придворные вели себя так браво и столь красноречиво, умели развивать пусть даже обыкновенное словословие, так облагораживавшее разговоры и обстановку вокруг.

– ...Кому как не мне знать, – продолжил маркиз Спорада протягивая руку в рукав камзола, – насколько всевозможны и неограниченны твои возможности. Ну, а то, что я хочу чтобы ты для меня сделал сущий пустяк...

– Монсеньор не пренебрегайте пустяками, тем более сущими, они подводные камни больших вещей.

– Да что сегодня с тобой случилось?! Ты не только не даешь мне слова сказать, но и прямо пугаешь меня своими высказываниями, которые приbedнения есть.

– Что поделаешь, если я весь пронизан страхом. Мне почему-то кажется... нет! Это прямо наваждение какое-то! Только что я хвалился перед вами как самый невыдержанный хвастунишка, а вот сейчас меня мучают сомнения. Мне кажется что вы мне сейчас отдадите приказание, на которое у меня сразу же опустятся руки и я буду просто не в состоянии его выполнить. У меня не хватит сил и я крупно опозорюсь в ваших глазах.

– Успокойся же ты, – рассмеялся тронутый маркиз, – В конце концов то, что я хочу от тебя можно назвать тем что у тебя черт возьми хорошо получается. Мне нужно чтобы ты маленько повоевал.

– Ура! – оживился радостно Руччини смело хватаясь за рукоять эфеса шпаги, – Повоеем! С французами?

– Ах ты мой смельчак! Требуется даже меньше того: сходить в покои моей кузены и устроить там им нагоняй. Особенно хорошо будет если ты изловишь эту заразу Клементину где-нибудь одну...?

– Ну-у-у-у! – протяжно закончил Руччини, от недовольства приседая на корточки и отворачивая недовольное лицо в сторону, – Чувствовало мое сердце, сбылись мои предчувствия:... воевать с бабами!... Кого-то там в кого-то влюбили, мне ходить разбираться на какой какое платье тогда было?

Оказавшийся с этими словами надуроченным Спорада просиял выплывшим светом. В течение нескольких минут его подвели к ловушке, и он ничего не замечая в нее попался, как простак, не подумав о простейшем: его предупредили или точнее он сам вызнал, зачем его зовут. Он даже может быть подслушал и так подготовился к...

Не сразу набравшись духу после досадной ошибки настойчиво спросил:

– Капитан?! Это что? Вы отказываетесь выполнять мои приказания?

– Ни в коей мере нет, но я его не выполняю потому что не способен. То, на что вы меня толкаете это, говоря другими словами: лезть в бабьи дела / делал упор /. Я опять начинаю предчувствовать меня отсеят и так ловко, что все надо мной будут после смеяться, вы этого хотите? Вот награда за самоотверженность и добросовестность...

– Что ж, если вы боитесь за свою репутацию, оставьте это на мою.

Взгляд его вовсе произвольно упал на Касбу, который заметив это склонился в нижайшем поклоне, так, что спина Руччини его совершенно скрыла и больше он из-за нее не показывался. Благодарю покорно!

Но не надежные посыльные ему уже нужны были теперь, решение переменялось, точнее тактика, отчего он так легко отступился от первоначального замысла.

– Ладно, приведите Клементину сюда.

– О-е-ей! Ваше сиятельство, – вступился возражать сеньор Бофаро, – как можно допускать такую оплошность?! Сеньора Мальвази ее к вам не отпустит, сославшись на ее прямые обязанности. Вы разве женщин не знаете. Нельзя ни в коем случае допускать ни одной ошибки. Любая даже самая маленькая победа кружит им головы, и с ними тогда вообще невозможно

поладить. Вы дождетесь того, что они почувствуют силу и объединятся, а это, согласитесь, будет страшно, ведь нам нужно чтобы все прошло бесшумно.

– Да вы точно сговорились все перечить мне. Точно это сговор! Руччини, я тебя прошу, не в службу, а в дружбу, пойдя соверши не возможное. Я знаю ты сможешь!

– Эх, Монсеньор. Невозможное оно и есть невозможное.

– Капитан!

– А?

– Мне скоро придет патент на герцогский титул, я его перепишу на тебя. И хоть ты не дворянин по крови, ты достоин его! Только сделай то, что я прошу.

– Увы, я рад бы, но опростоволосюсь! Я дам им одержать огромную победу, после которой они запросто вознамерятся взять графа Альберто к себе.

– А-а!!... – смекнул маркиз Спорада, смотря на каждого, оглядываясь даже на слуг. – Да это настоящий заговор!? Круговой! Но что мне делать?!

– Я знаю что! – подхватил слова отчаяния сеньор Бофаро, выступая из тени к нему навстречу впопыхах короткими неудержимыми шажками, – Ваш мажордом всегда знает что делать. И спешит на помощь!

Прежде чем высказать свое мнение, мне бы хотелось набавить ясности. Альбертик потому себя так уверенно чувствует и смеет дерзить сеньору Бофаро, потому что постоянно имеет возможность видеть возле себя влиятельных друзей и еще каких! Я даже не говорю о подружках! Они нашкодничали и помалкивают себе. Я имею ввиду тех, кто главные виновники провернутой интрижки.

– Сеньор Бофаро, вы меня удивляете! Кто же?

– Те, кто постоянно ходят и навешают мнимобольного, давая черпать ему из чаши уверенности себе силы, после чего конечно можно собачиться с мажордомом. Вперед всего я говорю о сеньоре Педро, это главная бестия.

– Это вы говорите о библиотекаре? И так выражаетесь?

– Можете быть уверенным, Монсеньор, когда я ломаю голову и думаю как нам отделаться от Альбертика, я еще и не так выражаюсь. Ведь он шельма и каналья, с самого начала во все был посвящен и только способствовал. Он целиком и полностью стоит на стороне княжны Мальвази, и это он подготовил Альбертика к тому чтобы узнать о подлоге, хотя мне так же кажется, что это дело языка Метроне, потому что после него я зашел к тому дурачку и тот все знал.

...Ну да ладно, не так важно. Я хочу у вас откровенно спросить: зачем вам такие слуги? Зачем мне такие библиотекари, которые используют свое место в сугубо личных целях для прочитки буквально всех богословских трудов и постоянно отлынивают от переписки бумаг, которые мне требуется держать в размороженном каллиграфическом состоянии!?

– Сеньор Бофаро, говорите пожалуйста своими словами. Скажу вам вы очень здорово сумели, ругая Педро, закинуть камушек, даже два, в огород Метроне, но заранее вас предупреждаю, не старайтесь навлечь мой гнев на него. Тем более что и комендантская должность, которую я ему выбрал, настолько необременительная, что сама говорит за себя и за него.

– Монсеньор, все мы знаем, что в трудные для вас времена, когда вы вынуждены были покинуть отчий дом и родные края с вами уехал и всегда оставался сеньор Метроне – ваш лучший слуга. Но вот ведь к чему приводит леность и разбалованность. Вот к чему привела Педро, по чьей протекции он и стал библиотекарем. Образовалось маленькое содружество от безделья и разболтанности, пришедшее к тому, что начали вытворять, что им заблагорассудится. Я настоятельно прошу вас, Монсеньор, прямо сейчас принять меры чтобы приструнить и даже наказать за натворенное.

– Я думаю всего лучше будет разбить дружков друг от друга, какое наказание вы требуете для Педро?

– Лишение должности – это прежде всего, потому что у меня на примете есть много полезных людей, заслуживающих хоть какую-нибудь должность. Я прежде всего имею ввиду нашего верного сметчика, которому библиотека нужна как воздух, потому что моя канцелярия уже начинает задыхаться в своих четырех стенах. Но при этом мы можем сразу разрешить назревающий скандал. Пускай исправляют то, что сами наделали.

– Каким образом?

– Ну посудите сами: если Педро выгнать вместе с Альбертиком, куда ему останется податься как не вместе с ним, и куда их приведет дорога? – На виллу тетки. А когда же она узнает что учудил ее подопечный, если она уже не узнала; на кого обратится скандал? Да и потом выдворять Альбертика одного ни в коем случае нельзя, он будет околачиваться поблизости, а по ночам лазить. Но этого не будет если с ним будут все его друзья, оставшиеся без должностей и денег. Они конечно же потянут его домой и это случится тем верней, когда их с ним будет двое. И Метроне, какое он имеет большое влияние на Альбертика!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.